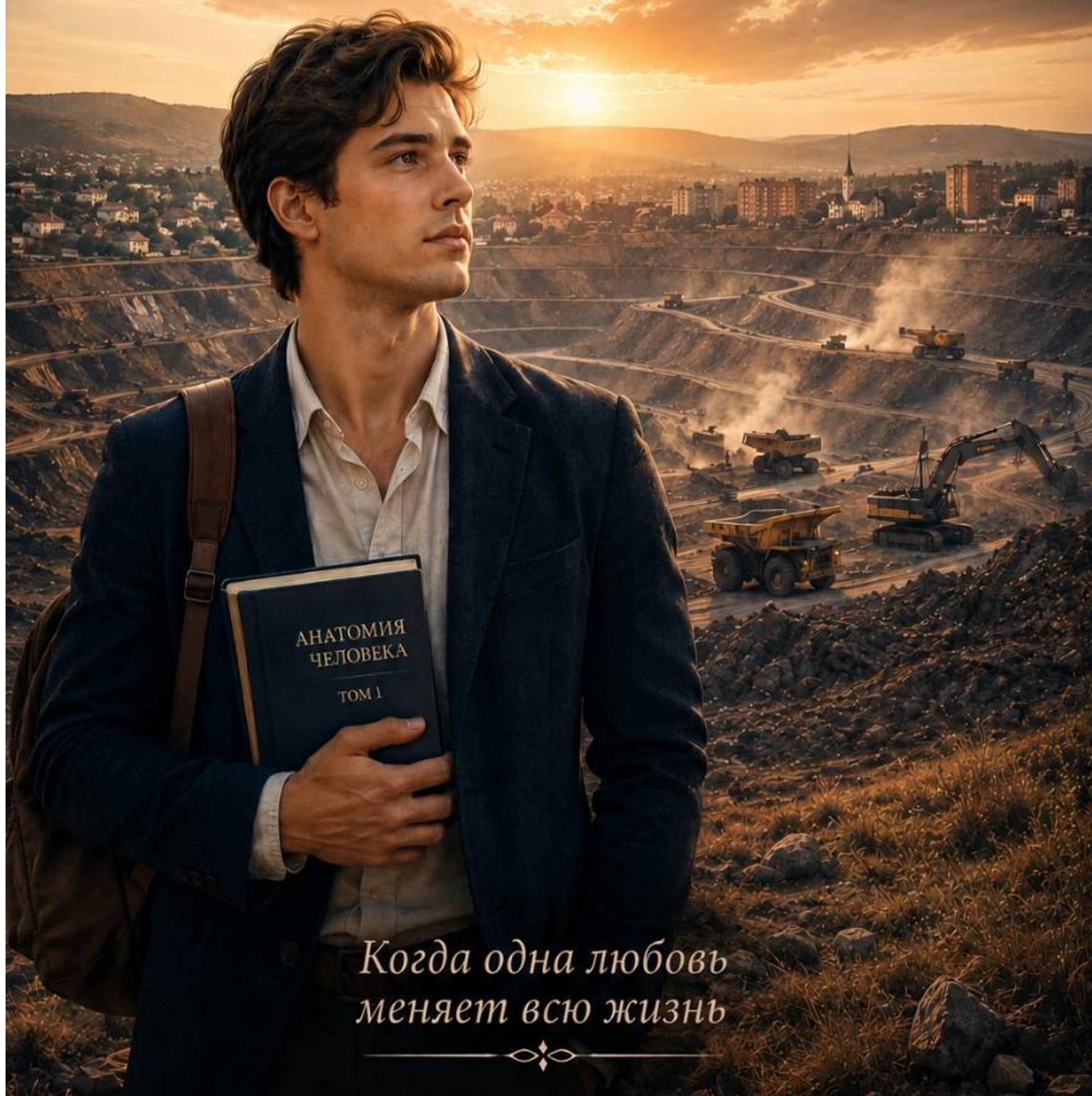

ЛЮДМИЛА ШТОРК-ШИВА

Дом, который я выбрал

*Когда одна любовь
меняет всю жизнь*

Людмила Шторк-Шива

Дом, который я выбрал

«Автор»

2026

Шторк-Шива Л.

Дом, который я выбрал / Л. Шторк-Шива — «Автор», 2026

В доме, рядом с угольным карьером, жизнь текла неспешно, как полная река, со своими заботами, радостями и переживаниями. Они выбрали именно такую жизнь и дорожили ей. Но для Марка, появившегося в городке на один день, встреча со Светой оказалась поворотом в его жизни. Он отказался от своей распланированной жизни, блестящей карьеры и судьбы, ради любви. Он влился в жизнь старенького дома с его историей. Пожалеет ли он о своём решении?

Людмила Шторк-Шива

Дом, который я выбрал

Глава 1

Валерий родился поздним ребёнком в семье, где труд был обязательным фоном каждого дня. Семья жила в частном секторе небольшого городка, расположенного рядом с угольным карьером, где добывали уголь открытым способом. Место, где стоял дом, сложно было назвать городом. Это был скорее посёлок, который позже ввели в границу города. И многие так и продолжали называть этот район — Посёлком.

Карьер начинался сразу за невысоким холмом, словно огромная рана в теле земли. Сверху он казался гигантской ступенчатой чашей, уходящей глубоко вниз — терраса за террасой, ярус за ярусом. Чёрные, буро-серые пласты угля чередовались с глиной и песчаником, а по уступам ползали, как железные жуки, огромные экскаваторы и самосвалы «БелАЗ». Летом над карьером висело плотное марево из пыли и жара. Даже в солнечный день свет здесь был особенным — приглушённым, будто пропущенным через угольный фильтр.

Валерий работал на одном из верхних уступов. Его бульдозер мощно рычал, толкая перед собой чёрные, блестящие массы породы. Когда лезвие отвала вгрызалось в землю, поднимались густые тучи угольной пыли, которая оседала на кабине, на одежде, на коже и даже на ресницах. К концу смены лицо его становилось почти чёрным, а в складках кожи оставались тонкие светлые полосы — следы пота. Но Валера любил эту работу. Здесь всё было по-мужски: честно, тяжело и понятно. Ни одного лишнего движения. Он чувствовал машину как продолжение своего тела.

Внизу, на дне карьера, по узким дорогам день и ночь ходили груженные самосвалы. Их рёв сливался в непрерывный низкий гул, который слышался даже в нескольких километрах. Иногда взрывники закладывали новые заряды — тогда земля вздрагивала, а над карьером поднимался столб пыли и дыма, похожий на тёмный гриб.

Если посмотреть на карьер с высоты птичьего полета, то казалось, что городок, в котором вырос Валерий, прилепился к карьеру, как ребёнок к матери. Двух- и трёхэтажные панельные дома, построенные ещё в семидесятые-восемидесятые года, стояли вдоль широкой, всегда пыльной центральной улицы. Летом на окнах висели самодельные сетки от комаров, сооруженные из обычной марли, а на балконах сушились рабочие куртки и детские вещи. Зимой всё тонуло в снегу, смешанном с угольной крошкой, и дома казались серыми, присыпанные чёрным инеем.

Жизнь здесь крутилась вокруг карьера. Утром, ещё затемно, по улицам тянулись вереницы мужчин в одинаковых робах. В проходной карьера всегда пахло табаком, машинным маслом и крепким чаем из термосов. Женщины работали в столовой, в детском саду, в магазине «Хозтовары» и в поликлинике. Многие из них тоже были «карьерными» — жёны, матери, сёстры.

Вечерами в Посёлке было по-своему уютно. На скамеечках у подъездов сидели старушки, обсуждая, кто сколько заработал и кто опять «перебрал» в пятницу. Мальчишки гоняли мяч на разбитом асфальте спортплощадки, а девчонки прыгали через скакалку, стараясь не запачкать платья угольной пылью, которая всё равно проникала всюду. В местном Доме культуры иногда показывали старые фильмы или устраивали дискотеки. А по выходным многие ездили «в деревню» — к родственникам, где был чистый воздух, река и огороды.

Валерий возвращался домой обычно уже в сумерках. Смыв с себя под душем чёрную воду, он выходил во двор, где стоял верный «Беларусь», на котором всю жизнь проработал его отец, и некоторое время просто сидел на крыльце, глядя, как над посёлком медленно гаснут

огни. Где-то вдалеке всё ещё слышался низкий гул карьера — словно огромное сердце земли продолжало биться даже ночью.

Здесь люди жили просто и крепко. Зарабатывали неплохо, но и работали тяжело. Многие мечтали о «чистой» жизни в большом городе, но большинство всё равно оставались — потому что здесь была работа, здесь все были своими, здесь была своя, суровая, но родная красота. На выходные обычно ездили в городок, расположенный недалеко от карьера и поселка, прилепившегося к нему. Там же, в городке, была небольшая община верующих, куда ездил Валерий и его родители.

Валерий женился, когда ему было уже за тридцать, когда волосы на висках едва начали серебриться. Люди собирались на богослужения в простом частном доме. В стране власти нередко притесняли верующих, но о местной общине будто все забыли. Люди собирались, молились, читали Библию и пели христианские песни и никто им не запрещал.

Верующим Валерий считался скорее по привычке: по воскресеньям приходил на служения, скромно садился где-нибудь в дальнем углу, на «камчатке», и так же молча уходил, едва отзвучит последняя молитва. Слова проповедника скользили по поверхности души, не оставляя глубокого следа. Он привык к определённому распорядку жизни, в который входило посещение богослужения, и эта размеренность успокаивала, давала ощущение стабильности и уверенности в завтрашнем дне.

Он верил, что Бог создал мир, установил правила и законы для жизни. И всякий, кто хочет жить хорошо, должен их соблюдать. Как инструкцию к новому экскаватору или бульдозеру. Но считал, что теперь всё движется по запланированному закону, и Бога невозможно увидеть за физическими явлениями и правилами.

Жизнь текла ладно и ровно. Валера жил с родителями в просторном частном доме, а во дворе, под старой раскидистой берёзой, стоял надёжный трактор «Беларусь». Трактор принадлежал карьере, но его использовали очень редко, и начальство не требовало, чтобы он стоял на площадке карьера, куда ставили бульдозеры или экскаваторы на ремонт или если какое-то время они были не нужны. Трактор стоял во дворе тракториста, который всегда сам ремонтировал его или делал профилактику.

Отец когда-то работал на нём с раннего утра до позднего вечера, а теперь всё реже садился за рычаги, но любил иногда что-то разобрать и смазать. Сам Валерий давно уже был высококлассным бульдозеристом на карьере. Обычно весной, после смены, стряхнув с одежды серую пыль камня, он легко пересаживался на «Беларусь» и ехал помогать соседям: вскапывал огороды, копал траншеи под фундаменты, ровнял участки. Руки у него были крепкие, а сердце — открытое и простое.

Лето в том году выдалось особенно жарким. В городе, за несколько километров от карьера, стояла удушливая жара, асфальт плавился под колёсами машин, а пыль висела в воздухе тяжёлым серым покрывалом. Зато в деревне, раскинувшейся вдоль тихой извилистой реки, было прохладно и зелено. Высокие липы и берёзы шумели кронами, отбрасывая на траву ажурные тени. От реки по утрам и вечерам тянуло свежей, влажной прохладой, пахло мокрым песком, водяными лилиями и скошенным сеном. В такие дни даже воздух казался живым — он мягко обнимал плечи, успокаивал и шептал о вечном.

Именно в это лето в их небольшую церковь приехала молодёжь из соседнего посёлка. Среди девушек Валерий сразу заметил её — Надю. Высокая, с густыми тёмными косами и ясными глазами цвета речной воды в полдень, она казалась частью этой зелёной, дышащей жизни. Сердце его дрогнуло так сильно, что он сам себе удивился. Вроде уже не мальчишка, а сердце стучит как у подростка, влюбившегося в первый раз. В следующее же воскресенье, он поехал в деревню, в ту церковь, которую Надя обычно посещала. Едва закончилось служение, он решительно подошёл к ней.

— Мы могли бы с тобой поговорить? — спросил Валера, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Да, конечно, — спокойно ответила Надя, и улыбка чуть тронула её губы.

Они вышли за околицу. Дорога вела через луга, где трава стояла по пояс, а над ней порхали стрекозы с прозрачными крыльями. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая реку в золотисто-розовые тона. Лёгкий ветерок с воды приносил прохладу и запах цветущих трав. Валерий сильно волновался, но всё же набрался смелости. Когда они почти дошли до поворота, где от проселочной дороги отошла тропинка, и нырнула в небольшой березняк, он остановился и произнёс:

— Я сразу полюбил тебя, как только увидел. И хотел бы спросить... согласишься ли ты выйти за меня замуж? Я неплохо зарабатываю, но живу с родителями. Не могу их оставить. Зато могу сделать отдельный вход в дом, — торопливо добавил он, будто боясь, что она не даст ему договорить.

Надя посмотрела на него внимательно. В её глазах отражался закатный свет и нежная синь неба.

— Подожди, ты очень спешишь, — мягко ответила она. — Я хотела бы сначала помолиться и узнать волю Божию.

— А как ты узнаешь? — искренне удивился Валера.

— А разве ты не молился, прежде чем приехать сюда?! — в свою очередь поразились Надя.

— Молился, конечно, — кивнул он. — Попросил благословения на дорогу и на нашу жизнь, если ты согласишься.

Надя поняла: перед ней стоит хороший, честный парень, который никогда не слышал, что можно просить у Бога конкретный ответ — и получить его. Она остановилась у старой ивы, склонившейся над водой. Листья тихо шелестели, а внизу, у корней, плескалась мелкая рыба.

— Давай сделаем так, — предложила она. — Ты попросишь, чтобы Бог дал знак, предназначена ли я для тебя или нет. Я тоже попрошу. И на этой неделе будем ждать от Него ответа. Если ответ совпадёт — это и будет нам знаком.

Валера подумал лишь мгновение и согласно кивнул. Но Наде показалось, что он отнёсся к её словам слишком легко, по-мужски практично. Она добавила твёрже:

— Ты расскажешь первым, через что и как Бог дал тебе ответ.

Валера занервничал, потёр затылок, посмотрел на реку, потом на небо, где уже зажигались первые звёзды. Он намеревался слукавить, послушать её рассказ и быстро подстроиться под него. Но девушка не дала ему такого шанса.

— Я никогда не слышал, что Бог может так отвечать... Как я узнаю Его ответ? — пришлось признаться ему.

Надя улыбнулась — просто, без тени сомнения:

— Ты же читаешь Библию.

В её голосе звучала уверенность, будто речь шла о самом естественном деле на свете. Валера был рад, что она говорит, а не спрашивает. Потому что Библию он, честно говоря, почти не открывал — считал её слишком скучной для человека, привыкшего работать руками, а не глазами.

— Ну вот, перед тем, как ты будешь читать после нашего разговора, помолись и попроси у Бога знак — через библейские истории или через то место, которое попадётся тебе по твоему обычному чтению. А потом просто жди. Иногда слова в Библии вдруг загораются в голове, будто подсвеченные изнутри. Они становятся живыми, особенными... словно Сам Господь через них говорит прямо тебе.

— И что? — не понял Валера.

— Ты попробуй — и тогда поймёшь, — мягко пожала плечами Надя. — А так мне трудно объяснить... Это как разница между водой из нашего колодца и водой у соседей. Соседи всегда

приходят к нам за питьевой, потому что наша — чистая, холодная и сладкая. А у них будто тиной пахнет. А как объяснить вкус словами?

Валера тяжело вздохнул, но кивнул:

— Хорошо, попробую.

Над рекой медленно сгущались летние сумерки. Небо из нежно-голубого стало густосиним, а на востоке уже зажглась первая, яркая, как алмаз, звезда. В лугах заливалась поздняя птица, ветер принёс с полей запах ночных фиалок, тёплой травы и мокрой речной земли. Два молодых сердца стояли на краю большой, ещё неведомой дороги. Одно — сильное и простое, как старый тракторный мотор, другое — чуткое и доверчивое, как речная волна. И у обоих теперь был один и тот же вопрос: станет ли эта история общей, или так и останутся две отдельные судьбы?

Глава 2

Вернувшись домой, Валера долго сидел на крыльце, глядя в тёмный двор. Наконец решился. Из старого отцовского тайника он достал семейную Библию — тяжёлую, в потёртом кожаном переплёте, напечатанную ещё до революции. В их краях такие книги прятали: времена были беспокойные, и слухи об обысках и тюрьмах для верующих тревожили. Хотя в их районе и было тихо.

Он открыл Притчи Соломона — книгу, которую нередко слышал и в собрании, и от отца в детстве. Сначала читал быстро, почти механически, словно выполняя обещанную работу. Обычно именно так он слушал проповеди в церкви и пел вместе со всеми песни общего пения. Слова скользили мимо сознания. Но вдруг взгляд остановился, будто наткнулся на невидимую преграду:

«Надейся на Господа всем сердцем твоим, и не полагайся на разум твой. Во всех путях твоих познавай Его, и Он направит стези твои». Притчи 3:5-6

Почему-то особенно сильно прозвучали последние слова: «...и Он направит стези твои».

Валера невольно поднял глаза к небу, где уже густо рассыпались звёзды. Лёгкий ветерок с реки шевелил листья старой берёзы у дома. Свет из кухни, горевший за спиной, позволял легко читать строки на пожелтевшей от времени бумаге.

— Это что, правда? — тихо прошептал он в ночную прохладу, невольно взглянув на звёздное небо. — Ты серьёзно?.. Или у меня уже в голове начались «глюки»?

Он закрыл книгу, вернулся в дом, аккуратно спрятал её в тайник, и вышел на улицу. Бродил по тёмной, едва освещённой редкими фонарями дороге, слушая далёкий, приглушённый гул карьера. Слова продолжали кружиться в голове, как потревоженные пчёлы: *надейся... познавай... направит...* И впервые за время знакомства с девушкой, отношения с Надей вдруг отошли на второй план. В сердце стучалось что-то большее, более древнее и властное, чем даже эта внезапная, жаркая любовь.

Ночь он провёл беспокойно. Что-то незнакомое, глубокое тревожило душу. Даже мысли о Наде теперь казались лишь частью чего-то гораздо большего.

«Надя, я уже почти ненавижу тебя, — думал он с невольной улыбкой в темноте. — Лишила покоя... Перевернула всё внутри. — А потом честно добавил про себя: — Хотя, конечно, не ты... Просто эти слова странные попались».

Утром он ушёл на работу. Летнее солнце уже припекало, над карьером висела привычная угольная дымка. Гул машин, запах солярки и горячего металла помогли немного отвлечься. Но время от времени удивление всплывало снова, как тёмные пятна масла на поверхности воды. Вспомнилась юность — та постыдная история с замужней женщиной, когда ему было всего семнадцать. Как она ловко выманивала его маленькую зарплату, как потом он случайно услышал её смех и рассказы подругам о «глупом юнце». Тогда он ушёл молча, с горечью и разочарованием в себе. В то время он перестал искать отношений с женщинами, совсем. Он не верил ни одной из них.

И вот теперь, спустя годы, сердце снова дрогнуло. Но это было совсем другое чувство. Надя казалась ему тихой, надёжной пристанью, где даже бурю можно встретить без страха. И в то же время — загадкой, которую можно разгадывать всю жизнь.

Вернувшись со смены, Валера быстро принял душ, смывая с себя чёрную угольную пыль, и, ещё до ужина, снова достал Библию. Мама, Варвара Ивановна, заметив это, тихонько просялась, но ничего не сказала — только старательно накрывала на стол, боясь спугнуть момент. Она много лет молилась о сыне, но видела, что вера для него — это скорее привычка, чем отношения с Богом.

На этот раз он открыл книгу наугад. Взгляд сразу упал на нужное место:

«Пей воду из твоего водоёма и текущую из твоего колодезя... Пусть будут они принадлежать тебе одному, а не чужим с тобою. Источник твой да будет благословен; и утешайся женою юности твоей...» Притчи 5:15-18

Валера невольно закашлялся. Слова будто ударили прямо в грудь. Всё, о чём он думал днём — воспоминания, стыд за прошлую ошибку, новая чистая любовь — вдруг сошлось в этом тексте, словно невидимая рука весь день вела его именно сюда.

Он прочитал главу целиком, всё больше поражаясь точности и глубине совпадения со всеми мыслями сегодняшнего дня. Наскоро поужинав, Валера подошёл к отцу:

— Пап, дай ключи от трактора. Мне очень надо съездить.

Иван Карлович посмотрел на сына внимательно, но расспрашивать не стал.

— Бери. Только заправься, а то встанешь где-нибудь в поле.

Валера вывел старый «Беларусь» со двора. Солнце уже клонилось к закату, бросая последние косые лучи на землю. Длинные, причудливые тени ложились поперёк просёлочной дороги, а воздух был тёплым и густым, как парное молоко. Трактор неторопливо тархтел, обдавая лицо Валеры мягким ветром, пропитанным ароматом полыни, нагретой ржи, скошенной травы и лёгкой речной свежести. За силуэтами деревьев, окутанных золотисто-розовым светом, лежала деревня, где жила Надя.

В сердце его смешались тревога, удивление и какая-то новая, светлая радость. Он ехал не просто к девушке. Он ехал за ответом. В голове настойчиво бился вопрос: «Что же она сама прочитала? Что открылось ей? Что она “услышала”?»

Когда «Беларусь» с характерным рокотом подкатил к дому Нади, она уже вышла на крыльцо. Заслышав знакомый звук мотора — единственного на весь район, — девушка успела переодеться в светлое выходное платье. Сердце её тоже билось неровно, но на лице лежало спокойное, ясное выражение.

Валера заглушил двигатель. Наступила вдруг удивительная тишина, нарушаемая только вечерним стрекотом кузнечиков и далёким плеском реки. Молодые люди пошли спокойно по тихой улочке, сохраняя расстояние между собой, не нарушая приличий. Он рассказал ей всё: и про Притчи, и про то, как слова будто сами находили его, и про странное волнение, которое не отпускало ни на работе, ни дома. Он не рискнул рассказать ей о своём прошлом, решив, что расскажет, но позже, когда убедится, что она поймёт, что не оставит его из-за горькой ошибки прошлого.

Надя слушала внимательно, не перебивая. В её глазах светилась тихая радость — она видела, что Валера действительно старался услышать. Когда он закончил, она негромко сказала о своём:

— Мне открылось место из книги Бытие. О Ревекке. Когда Авраамов слуга пришёл сватать её для Исаака, родные спросили девушку: «Пойдёшь ли с этим человеком?» А она ответила просто: «Пойду». Бытие 24:58

Они помолчали. Летний вечер медленно обволакивал их мягкой синевой. Над полями поднимался лёгкий туман, а в небе одна за другой зажигались звёзды. Где-то у реки крикнула ночная птица, и её голос чисто и звонко разнёсся в прохладном воздухе.

— Папа всегда учит нас, — продолжила Надя, — что даже когда ответ от Бога кажется очень точным, мы всё равно должны брать ответственность на себя. Действовать так, будто это просто наше собственное решение.

— Это я хорошо понимаю, — деловито кивнул Валера.

Они прошлись немного по тропинке вдоль реки. Вода тихо плескалась о берег, отражая звёздный свет. Воздух был напоён запахом ночных цветов и мокрой осоки. Всё вокруг дышало покоем, и только их сердца стучали громко и взволнованно.

Несколько минут они медленно шагали по пыльной проселочной дороге, тянувшейся вдоль реки. Надя немного помолчала. Лёгкий ветерок с реки шевелил листья вербы, а в воде тихо плескалась мелкая рыба.

Она любила читать Библию. И когда Валера рассказал, какое место он прочитал, она невольно вспомнила несколько других отрывков, связанных с колодецем. Образы эти всплывали в её сердце один за другим, словно прохладная вода из глубины.

— Знаешь, — тихо начала она, — колодец в Писании — это не просто яма с водой. Для Агари в пустыне он стал местом спасения, когда она уже готовилась умереть вместе с сыном. Бог открыл ей колодец и сказал, что услышал её. Для Моисея колодец в Мадиаме стал началом новой жизни — именно там он встретил Сепфору и её сестёр. А для Ревекки... ты же знаешь эту историю. Она пришла к колодцу за водой — и встретила Божий план для всей своей жизни. — Надя слегка улыбнулась, глядя на тёмную поверхность реки, где отражались звёзды, затем продолжила. — И вот интересно... тебе открылись слова о своём колодце, о чистой воде, которая должна принадлежать только одному. А мне — история, как девушка у колодца сказала: «Пойду». Как будто Господь нам обоим говорит об одном и том же, только разными словами.

Валера задумчиво кивнул. Он не ожидал, что слова из книги Притчей, которые он прочитал, так тесно сплетутся с её книгой Бытия. Оказывается, колодец — это не просто образ. Это место встречи человека с Богом, место, где решается судьба, где открывается будущее. Место, где обычная вода становится символом чего-то гораздо большего — любви, верности и Божьего водительства.

Они стояли рядом на дороге, ведущей на ферму, в этом месте лишь отмеченной колеёй примятой и спрессованной травы, и ночной воздух казался особенно чистым и сладким. Где-то в лугах продолжала петь поздняя птица, а река тихо несла свои воды дальше, словно подтверждая: есть источник, который никогда не иссякнет, если черпать из него правильно.

Когда пришло время прощаться, летняя ночь уже полностью вступила в свои права.

Для всех остальных жителей посёлка и деревни это была обычная тёплая июльская ночь. А для них — первая ночь их общего пути, началом решения. Первая ночь, когда два отдельных сердца начали медленно, но верно тянуться друг ко другу, чтобы слиться в одно.

Валера возвращался домой в темноте. Трактор мерно тарыхтел по тёмной дороге. Над головой раскинулся огромный звёздный купол, такой близкий и такой бесконечный. Впереди лежала новая, неизведанная жизнь. И ему очень, очень хотелось верить, что в этой неизведанности всё будет добрым и светлым. Войдя в дом, он тихо прошёл на свою кровать, быстро скинул одежду и легко опустился на постель, почти сразу провалившись в тихий, светлый сон.

События после того летнего вечера закружились быстро и светло, словно тёплый осенний ветер.

Утром, ещё до смены, Валера собрал родителей за кухонным столом. Солнечные лучи мягко падали через окно, освещая старый самовар и заботливые руки матери. Слегка волнуясь, но с твёрдой решимостью в голосе, он рассказал о своей любви к Наде и о её согласии.

Иван Карлович, откинувшись на стуле и глубоко, с облегчением вздохнул:

— Наконец-то ты решился, сынок...

Мама прослезилась и тихо добавила:

— Как хорошо, что ты выбрал именно Надю. Сердечная девочка... С ней в доме будет тепло.

К осени сыграли свадьбу — не шумную, не богатую, но искреннюю и светлую. В простом частном доме, где собирались верующие для общения и молитвы. Чтобы стать свидетелями начала новой семьи, собрались родные, друзья и братья по вере. Аромат спелых яблок и поздних астр наполнял воздух. Надя была в простом, но удивительно идущем ей платье, а Валера — в новой рубашке, которую мать сшила специально к этому дню.

Ещё до свадьбы Валера сдержал своё слово. Он перестроил дом, сделав из двух комнат отдельный вход с небольшим крыльцом. Ему было важно, чтобы стареющие родители оставались рядом, под одной крышей, но чтобы молодая жена могла по-настоящему чувствовать себя хозяйкой своего угла. Получилось ладно и по-домашнему.

Семья зажила дружно и мирно. Для Валеры тот первый опыт поиска Божьего ответа стал настоящим поворотом. Теперь он не просто «ходил на собрания» — он начал искать Бога. Библия очень часто покидала тайник, и по вечерам он часто раскрывал её, иногда вместе с Надей и родителями. Вопросы рождались один за другим.

Однажды, за ужином, он задумчиво спросил:

— Я вот думаю, какого типа людям Бог обещает здоровье и долголетие?

Этот вопрос не отпускал его долго. Валера с привычной основательностью принялся искать ответ. Он читал, перечитывал, беседовал с более опытными братьями, размышлял. А потом, как настоящий мастер, привыкший к точности, начал записывать всё в отдельную тетрадь. Столбики были ровными, мысли — чёткими.

В одной колонке он записывал обетование:

«Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле...»

Ниже, он прочертил вертикальную черту и в одной колонке записал:

«Смолянские — заботятся о родителях искренне. Сами уже немолодые, а крепкие, бодрые».

В другой колонке сделал запись, с невольной складкой на лбу:

«Сокольские тоже вроде ухаживают... А Галина в сорок с небольшим умерла от рака. Хотя уважала родителей и очень заботилась о них. Почему обещание не сработало? Что ещё влияет?»

Надя, наблюдая за мужем, тихо и счастливо улыбалась. Именно этого она больше всего желала — чтобы Валера всем сердцем полюбил Слово Божье. Она верила: если человек ищет Царство Божие и правду Его, всё остальное приложится.

И постепенно это начало проявляться. Валерий, и раньше отличавшийся основательностью и немногословием, стал принимать удивительно мудрые, взвешенные решения. В нём появилась глубокая, спокойная зрелость — та самая, которая отличает не по годам, а по состоянию сердца. Даже старики в собрании нередко прислушивались к его словам.

В доме теперь по вечерам часто звучал негромкий разговор о Писании, а за окном шумела то летняя, то осенняя, то зимняя природа. А в сердцах людей, живущих под этой крышей, всё глубже укоренялась вера, что Бог действительно направляет стези тех, кто на Него уповает.

Со временем Валера начал замечать в Библии места, которые на первый взгляд казались противоречивыми. Это не пугало его, а, наоборот, разжигало ещё больший интерес. Он подходил к ним с той же основательностью, с какой работал на бульдозере: не спеша, слой за слоем, стараясь понять устройство.

Однажды вечером, когда за окном уже лежал первый снег, он снова раскрыл свою тетрадь. На этот раз вопрос был сложнее. Валера долго смотрел на два текста, которые никак не хотели «сходиться» в его голове.

С одной стороны — ясное обетование:

«Почитай отца и мать... чтобы продлились дни твои на земле».

С другой — горькая реальность жизни праведных людей, которые уходили рано. Он вспоминал не только Галину Сокольскую. Были и другие случаи: искренне верующие братья и сёстры, которые болели и умирали, несмотря на явную любовь к Богу и родным.

— Вот здесь у меня не складывается, — признался он Наде за ужином. — Как будто одно отменяет другое. Как это понимать?

Надя не стала давать быстрый ответ. Она знала, что мужу важно самому докопаться.

Валера начал исследовать по-своему — методично и честно.

Сначала он просто собирал все тексты, где говорилось о долголетьи, болезнях и смерти праведников. Записывал их в свою тетрадь крупным, ровным почерком. Потом разделил лист на несколько столбцов:

- Прямые обещания
- Условия этих обещаний
- Примеры исполнения
- Примеры кажущихся исключений
- Что говорит об этом весь контекст

Он читал не только отдельные стихи, но целые главы и книги. Часто вставал рано утром, до смены, и при свете лампы разбирал Псалмы, Притчи, книгу Иова и Евангелия. Однажды он записал: «Веселое сердце благотворно, как врачевство, а унылый дух сушит кости». Прит. 17:22 дописав во вторую колонку: «Галя Сокольская всегда была унылой, обиженной на весь белый свет и грустной. Не могло ли это повлиять на её грустный исход?»

Иногда задавал вопросы старшим братьям в собрании. Не стеснялся признаться:

- Я здесь не понимаю. Помогите разобраться.

Особенно долго он размышлял над книгой Иова. Этот праведник потерял всё, включая здоровье, хотя и жил благочестиво. Валера перечитывал историю несколько раз, пока не увидел важную мысль: «Бог не обещал, что жизнь праведника будет лёгкой и долгой в этом мире». Он обещал нечто большее — во-первых — всегда поддерживать в трудностях и испытаниях, во-вторых — вечную жизнь и конечную справедливость.

В один из воскресных вечеров, после очередной серии вопросов Валерия, один из старцев улыбнулся: «Я уверен, что всё закончится хорошо. Я читал последнюю главу Библии».

Однажды вечером Валера позвал Надю и родителей к столу. В его голосе звучало тихое волнение открытия.

— Я понял одну важную вещь, — сказал он. — Многие обетования в Библии — это не автоматическая гарантия, а «принцип жизни». Как закон сеяния и жатвы. Если сеешь почтение к родителям, контролируешь свою речь и стараешься не говорить дурного, если ищешь мира и еще другие качества которые перечислены в Библии, — в целом род бывает крепче и жизнь дольше. Но есть ещё свобода человека, есть духовная брань, есть тайна Божьего Промысла... Иногда Бог забирает праведника раньше, чтобы защитить от грядущего зла, как написано у Исаии.

Он показал в тетради две колонки, которые наконец-то начали немного «сходиться»:

— С одной стороны — общее правило. С другой — исключения, которые тоже находятся в руках Божьих. Значит, не надо превращать обетование в жёсткую формулу. Надо жить по правде, а остальное доверить Ему.

Надя слушала и светила от счастья. Она видела, как её муж растёт. Валера не искал лёгких ответов и не пытался «подогнать» Писание под свои представления. Он смиренно вопрошал, молился и копал глубже. Именно эта честность и делала его всё более мудрым.

Постепенно в посёлке и окрестных деревнях стали замечать перемену. К Валере начали приходить за советом не только по житейским вопросам — как лучше построить дом или воспа-

хоть участок, — но и по вопросам веры. Он никогда не говорил свысока. Просто делился тем, что сам нашёл, показывая свои записи и говоря: «Я так понял... А ты как видишь?»

Валерий был уверен, что жизнь невозможно подвести под какую-то простую формулу. Но ему казалось, что он все же немного приближается к пониманию, как обещания Творца воплощаются в жизнь людей. И всё же, безбожная система страны, в которой они жили, нередко ломала все его выводы и представления. И тогда он вздыхал и тихо произносил:

- «Когда разрушены основания, что сделает праведник?» - вспоминая слова из десятого Псалма.

Так, шаг за шагом, бульдозерист, привыкший каждый день на работе двигать тонны породы, стараясь не сорваться с узкой дороги и не сделать «подкопа» в отвесной скале, подвергая себя и других опасности, учился разбирать и сдвигать гораздо более сложные пласты — пласты человеческого сердца и Божьей истины.

Глава 3

В семье Валеры и Нади царило тихое, полное счастье. Родились четверо детей — три мальчика и одна девочка. Старший, Миша, уже ходил в школу и радовал всех спокойным, серьёзным характером и хорошими отметками. Танюша, погодок с братом, тоже готовилась к школе. Младшие мальчишки были шумными и неугомонными, и настоящая тишина в доме наступала только глубокой ночью.

Надя ожидала пятого ребёнка. На этот раз беременность давалась ей тяжело: сильные отёки, постоянная усталость, тяжесть в ногах. Валера, возвращаясь со смены, сразу брал всё на себя — носил воду, колол дрова, кормил детей, укладывал их спать. Старшие — Таня и Миша — старались помогать: приносили маме стакан воды, убирали игрушки, играли тихо, когда она отдыхала.

Врачи настойчиво советовали лечь на сохранение. В первый раз Надя согласилась, но уже через месяц попросилась домой — дети без неё тосковали. Когда предложение повторилось, она мягко, но твёрдо отказалась:

— Ничего, я дома. Пропью витамины. С детьми мне спокойнее.

Она уже знала, что ждёт девочку, и, устало улыбаясь, говорила Танюшке:

— Вот подрастёт твоя сестрёнка — будет тебе ещё одна помощница. Только придётся немного подождать... и научить её трудиться.

Роды начались раньше срока. Ночью приехала скорая. Валера остался с детьми, беспокойно ходя из угла в угол. А утром пришло страшное известие.

Сначала сообщили, что Надю перевели в реанимацию — отказали почки. К вечеру надежды угасли. Надя умерла, так и не придя в сознание. Маленькую девочку спасли — сделали экстренное кесарево. Новорождённую назвали Светочкой — в честь бабушки Нади.

В тот вечер дом, когда-то такой тёплый и наполненный жизнью, погрузился в тяжёлую, свинцовую тишину. Варвара Ивановна плакала беззвучно, прижимая к себе внуков. Иван Карлович сидел у окна, сторбившись, словно за один день постарел на десять лет. Дети жались друг к другу, чувствуя неладное.

Валера стоял у кровати новорождённой и смотрел на крохотное личико, в котором уже проступали дорогие черты Нади. В груди было пусто и невыносимо холодно. Всё, что он строил, о чём мечтал, вдруг оказалось хрупким, как первый осенний лёд на реке.

Он вышел во двор. Поздняя осень хозяйничала вокруг. Холодный ветер гнал по земле жёлтые листья, а тяжёлые серые тучи висели низко над землёй. Старый «Беларусь» стоял под навесом — молчаливый свидетель былого счастья. Валера прислонился к холодному металлу и впервые за многие годы заплакал — тяжело, по-мужски, беззвучно.

Вера, которая казалась такой крепкой, сейчас трещала по швам. В голове кружились те самые вопросы, которые он когда-то аккуратно записывал в тетрадь. Только теперь они жгли его самого.

— Ты что, издеваешься? — гневно прошептал он, глядя в серое небо. — Пока я жил просто, не пытаясь приблизиться к Тебе, я был более защищённым. А теперь... Ты дал мне Надю, показал путь, научил чувствовать жизнь по-настоящему — и радость, и боль. А потом... как китайский воин: обнял крепче, чтобы глубже всадить нож в спину. Кто Ты после этого?!

Слёзы душили его. В памяти вдруг всплыли первые слова, которые когда-то открылись ему:

«Надейся на Господа всем сердцем твоим... и Он направит стези твои».

— Не могу! — почти по-волчьи взвыл он. — Это невыносимо...

В доме заплакала малышка. Валера взглянул на освещённое окно, но не сдвинулся с места. В голове пульсировала страшная мысль: он не сможет полюбить этого ребёнка. Сейчас он без колебаний поменял бы жизнь Светочки на жизнь Нади. Но никто не предлагал ему такой замены.

«Почему я ничего не почувствовал? — казнил он себя. — Почему не было предчувствия, сна, знака? Для других я просил — и получал ответ. А здесь... ничего».

Позже, много позже, Валерий понял одну важную вещь. Тревожные сны, предчувствия, внутреннее беспокойство приходят тогда, когда человеку даётся возможность повлиять на ситуацию молитвой. Это приглашение к сотрудничеству с Богом. А когда событие неизбежно, когда выбор уже сделан свыше — никаких сигналов не бывает. Человек просто ставится перед фактом.

В тот вечер он этого ещё не понимал. Он стоял под холодным осенним ветром и молчал. Небо молчало в ответ.

Похороны состоялись через два дня — серым, промозглым осенним утром. Небо было тяжёлым и низким, будто тоже оплакивало Надю. Лёгкий, холодный дождь моросил не переставая, превращая землю в вязкую грязь. На небольшом деревенском кладбище, раскинувшемся на холме недалеко от реки, собралось немало людей. Пришли родственники, братья и сёстры по вере из нескольких окрестных посёлков, соседи, коллеги Валеры с карьера. Надю решили похоронить рядом с её бабушкой и дедушкой.

Гроб стоял на табуретах под старой раскидистой берёзой. Надя выглядела удивительно спокойно и красиво — как будто просто спала. Кто-то из женщин тихо плакал, кто-то читал псалмы. Валера стоял неподвижно, словно окаменев. В руках он держал маленькую Светочку, завернутую в тёплое одеяльце. Девочка мирно спала, не ведая о том, что лишилась матери в первые часы своей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.